

Г. ЧУЛКОВ

«Северные Цветы» — Ассирийские

По поводу сборника «Русские Символисты», который вышел в 1894 году и заключал в себе стихи В. Брюсова и А. Мировольского, Владимир Соловьев написал следующие строки: «Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны»¹. На этот раз пророчество Вл. Соловьева не сбылось: из Валерия Брюсова вышел замечательный поэт, который стал во главе освободительного движения в искусстве. Наивные порывания к «золотым феям в атласном саду»² сменились вдохновенным творчеством, неуверенно-шаткий стиль приобрел гибкость, подражательность стиха исчезла и неожиданно зазвучал смелый и свободный ритм. Явились во всеоружии новые соратники в борьбе за свободное искусство, в борьбе за право индивидуума на самоопределение и самоутверждение...

В этом году вышел четвертый сборник к-ва «Скорпион» — «Северные Цветы». Это — последнее звено десятилетия. Как будто мы вышли на перекресток в предутренний час; и прежде чем переступить иную черту, хочется оглянуться назад: там гаснут в тумане последние огни, освещавшие нам кремнистый путь.

Первый сборник «Скорпиона» был издан в 1901 году. В предисловии издатели писали: «Возобновляя после семидесятилетнего перерыва альманах Северные Цветы (последний раз он был издан в пользу семьи Дельвига в 1832 году), мы надеемся сохранить и его предания. Мы желали бы стать вне существующих литературных партий, принимая в свой сборник все, где есть поэзия, к какой бы

школе ни принадлежал их автор». Мы будем придерживаться «духа прежних Северных Цветов, освященных близким участием Пушкина»... Это предисловие — огонь родного очага, огонь, который аргонавты взяли с собой, отчаливая от берега, мечтая о неведомом.

Торопливо подчеркивают искатели-путники свою связь с прошлым: благоговейно воспроизводят факсимиле записки Пушкина от февраля 1827 года, печатают письма и записки Ф. И. Тютчева, А. Фета, Вл. Соловьева. Из современных писателей наряду с Брюсовым, Бальмонтом и Сологубом помещают рассказ А. П. Чехова.

Чувствуется настойчивое желание указать на преемственность новой поэзии. Еще в 1900 году Брюсов пытался раскрыть в предисловии к своему сборнику «Tertia Vigilia» эту связь с угасшими днями, пытался выяснить свое отношение к творчеству иных поэтов. «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию, — писал он. — Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина или Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем Некрасова».

«Я называю все эти создания одним именем поэзии, ибо конечная цель искусства — выразить полноту души художника. Я полагаю, что задачи «нового искусства», для объяснения которого построено столько теорий, — даровать творчеству полную свободу. Художник самовластен и в форме своих произведений, начиная с размера стиха, и во всем объеме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло. Попытки установить в новой поэзии незыблемые идеалы и найти общие мерки для оценки — должны погубить ее смысл. То было бы лишь сменой одних уз на новые. Кумир Красоты столь же бездушен, как кумир Пользы».

Итак, новое Искусство не есть отречение от старого. Но лишь теперь найдены «ключи тайн». «Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это — приотворенные двери в вечность».

Подлинное искусство всегда мистично, — истинный поэт в конечном счете, в основе своего творчества, всегда мистик. Отмечается, как ненужный, лишь поверхностный, позитивный «реализм». Великий реалист — Лев Толстой — в то же время «тайновидец плоти», по меткому слову Д. Мережковского³.

Первый альманах был многообразен: холодно-звучный К. Фофанов; неровно-талантливый Случевский; Федор Сологуб, со своими «ночными мечтами»; К. Бальмонт, «оставшийся верным жестокому чуду»⁴; Валерий Брюсов, «в тишине полумрака тяжелого, — в пьяном запахе грешного сна»⁵.

Затем длинный перечень «младших»: А. Добролюбов, Владимир Г..., А. Курсинский, А. Миропольский, Ив. Коневской, Д. Фридберг и еще многие...

На следующий год «Скорпион» предпослал своему альманаху следующее предисловие: «Издатели Северных Цветов на 1902 год настаивают на отсутствии всякой партийности в выборе материала. Они полагают, что Некрасов, Тургенев, Фет, не говоря уже о Пушкине, — такие значительные деятели в литературе, что все написанное ими представляет ценность и любопытность. Издатели не видели затруднения поставить рядом с письмами И. С. Тургенева рассуждения А. Фета и поместить у себя статью А. Волынского, критически относящуюся к поэтам, обычно участвующим в изданиях «Скорпиона»... Авторы сами отвечают за себя — вот взгляд издателей Северных Цветов. Искренно высказанное мнение, новое и сознательное, имеет право быть выслушанным».

Второй сборник не отличался по существу от первого. Только прибавилось несколько новых имен. Напечатали здесь свои стихи и поэты старшего поколения: Минский, Мережковский и Гиппиус. Это — как необходимый мотив, без которого весь альманах горел бы слишком нецеломудренно «бальмонтовским» солнцем.

<...>

«Северные Цветы» на 1905 год — академия русских поэтов. Правда, есть существенные редакционные промахи — помещение таких шаблонно-декадентских произведений, как «Сказка о тумане» г. Пантюхова и некоторых убогих стихотворений, беспомощно-вялых и внутренне-ничтожных, — однако общий тон книги прекрасен (по крайней мере — формально), — и альманах является ценным вкладом в сокровищницу русской культуры.

Напряженная затянувшаяся борьба русского народа с варварским режимом отвлекла от культурной работы внимание многих и в результате мы вынуждены считаться с чудовищным равнодушием общества к искусству и литературе. К-во «Скорпион», во главе с С. А. Поляковым, едва ли не единственное гнездо, где сохранилась любовь к литературе, умение уважать и ценить искусство.

Вокруг «Северных Цветов» заблестело созвездие писателей, сделавших важные завоевания в области языка, стиля и поэтической техники. Вероятно, в будущем образуется значительная теоретическая литература, которая сделает предметом своего исследования последнее десятилетие, поскольку оно характеризуется литературным ренессансом.

Укажу на успехи Валерия Брюсова, на его *vers libre*, который ввели во французскую мерную речь Эмиль Верхарн и Ф. Вьеле-Гриффен⁶. Будущему историку литературы нельзя будет обойти молчанием Бальмонта, создавшего причудливо-напевный стих, нежно-пьяный и благоухающий. Были сделаны отдельные попытки теоретического анализа отдельных произведений «нового искусства». Например, П. Флоренский писал (по поводу «Симфонии» Андрея Белого) «об искусстве чистого слова». «Как симфония в музыке, — говорит он, — есть музыка по преимуществу, чистая музыка, так и произведение А. Белого является опытом искусства слова по преимуществу перед всеми другими видами поэзии. Это — требование свободы; но не свободы произвола, а признание, что речь, как таковая, сама по себе есть нечто ценное и гармоничное в своих особых законах, что она может иметь собственные цели». — В симфонии Андрея Белого находим подтверждение мнения, по которому «музыкальный тон тем совершеннее, чем более приближается он к какому-нибудь из таинственных звуков природы, еще не отторгнутых от ее груди». Но кроме внешнего звукового ритма есть еще более важный ритм, ритм музыкальных образов. Признание мистичности этого внутреннего ритма и благоговейное к нему отношение — вот величайшая заслуга новой русской поэзии.

Позднее других присоединился к кружку «Скорпиона» Вячеслав Иванов, большой, совершенно самобытный поэт, обогативший русский словарь длинным рядом мощных слов, с необычайным искусством найденных им в золотых россыпях старо-русского и славянского языков. Он же с крылатой смелостью устремился за новыми ритмами, черпая музыкальные сокровища из хрустальной эллинской речи. Им введен, между прочим, в русский поэтический язык античный ритм дифирамба (в нем последовательность русских ударяемых и неударяемых слогов соответствует последовательности греческих фесисов и арсисов); но менее талантливо он воспользовался «свободным стихом» (*versus lege soluti* Горация) и размерами Алкея и Сапфо⁷.

В последнем альманахе Вячеслав Иванов представлен наиболее полно и ярко. В драме «Тантал» (написанный героическим размером, строго соответствующим размерам греческой трагедии) поэт показал, что русский язык способен вместить все музыкальное богатство античной поэзии, включая мелодии «хоров». Читая драму Вячеслава Иванова, чувствуешь осуществимость религиозной мистерии, которая сблизит нас с древними и в то же время откроет новые возможности для свободного пророческого служения.

Появление этой драмы — знаменательное событие, свидетельствующее не только о таланте ее автора, но также о гениальности русского народа, который выковал язык, полный символической мощи.

Миф о Тантале, Пелопсе, Иксионе и Сизифе приобретает новую силу, преображается: творчество Вячеслава Иванова — сына многовековой культуры — вносит в эллинские идеи новый свет. Богоборчество Тантала окрашивается багряными лучами мирового Солнца.

Речь Тантала звучит для Вечности:

«Довольно! Вечно ль я — лишь чадо милости,
лишь сын царевой ласки, лишь — Обилья сын?
Иным, чем сам он, Тантала родил Кронид,
и неподобен человек жильцам небес.
Он одарил, — но где дары? Они — я сам.
Один в себе, несу я мир божественно.
Но тесен мир моим алканиям. Богов
молить об утоленьи, девы? Но не все ль
они сказали, что сказать велела им
святая Правда и Судьба извечная? —
Не все ль сказали этим миром солнечным,
что я уведал и, познав, запечатлел
своим согласьем, в оный миг, когда
разверзлось это око и мой дух воззрел?
Нет, девы! Из себя — себя творить, собой
обогащать и умножать себя, воззвать
из недр своих себя иного — волю я.

Предводительница хора с полуупреком спрашивает его: «Тебе ль неблагодарностью воздать богам»? Ведь ты и «щедр, и кроток, и улыбчив, как дитя»... Но Тантал непреклонен: «Дарами, девы, волен я бессмертных чтить; но их дары мне неуютны. Чужды мы. Я есмь; в себе я. Мне — мое; мое ж — я сам, я, сущий».

Трагическое самоутверждение и развитие внутренней драмы совершается при сохранении основных черт древнего мифа. Роковое разрешение драмы символизируется висящим в воздухе Танталом и голосом Адрастеи: «Ты — мой, о Тантал! Горе, Тантал! Ты померк». Напряженными руками поддерживает Тантал черный край угасшей сферы, и звучит мертвенно его последний вопль:

Так вот обет твой, Адрастея!
Тантал, где твое солнце? Где?

В новых стихах Вячеслав Иванов обнаруживает ту грань своей души, которая казалась еще не совсем ясной в «Кормчих Звездах» и в «Прозрачности». Там еще были следы упорной борьбы с внешними препятствиями, еще приходилось любоваться шлифовкой поэтических алмазов. Постигая новые стихи, совершенно забываешь о мастерстве техники, всецело отдаешься созерцанию поэтического чуда. До сих пор мы видели у Вячеслава Иванова радужную сторону души — «рокоты лирные, спектры созвучные», — «сны предварения, сны огнезрачные», —

Неба лазурного
Тонкие зарева,
Дымные марева
Сумрака бурного⁸, —

теперь пред нами раскрылся священный солнечный диск:

О Солнце, вожатый ангел Божий
С расплавленным сердцем в разверстой груди!
Куда нас влечешь ты, на нас непохожий,
Пути не видящий пред собой впереди?

Предвечный солнца сотворил, и планеты.
Ты — среди ангелов солнц! Мы — среди темных планет!
Первозданным светом вы, как схимой, одеты:
Вам не светят светы, — вам солнца нет!⁹

Извечный пламень влечет «слепцов любви» к первоизбранной цели, —

И в расплавленном лоне пока не иссякла
Вихревой пучины круговратная печь, —

Нас, зрящих и темных, к созвездью Геракла,
Вожатый слепец, ты будешь влечь!

Любовью ты будешь истекать неисчерпной
К созвездью родному, — и влечь, — и влечь!
В веках ты позволил венец страстотерпный
Христа-Геракла своим наречь!

Отношения и столкновение разноликих напевов и пророчеств уже создано, по-видимому, поэтами «Северных Цветов». Вячеслав Иванов посвящает Брюсову стихи, которые полагают между ними необходимую черту:

Уж я топчу верховный снег
Алмазной, девственной пустыни
Под синью траурной святыни:
Ты, в знойной мгле, где дух полыни, —
Сбираешь яды горьких нег¹⁰.

«Яды горьких нег» не угасят муки тоскующего сердца, хотя Валерий Брюсов все еще упрямо восклицает: «Но последний царь вселенной, — Сумрак! — Сумрак! — за меня!»...¹¹ В его трагедии «Земля» (которая также помещена в последнем альманахе «Скорпиона») чудится что-то внутренне-неуверенное, как будто душа его «расколота». Безукоризненно построенная, вся из мрамора стройная, как древний храм — трагедия эта лишена однако Божественной Тайны, — и за роскошным фасадом чувствуешь черные провалы безвременья. Ледяным холодом веет от слишком человеческой мудрости трагедии Брюсова. Драматический диалог, освобожденный от ритма, лишен у Брюсова той сосредоточенной силы, которая так характерна для его строгого стиля.

Новые стихи В. Брюсова — «Молния», «Пытка» и «Бальдеру Локи» — так же прекрасны, как и те, которые он собрал в своей последней книге. Мечтаем, что еще один миг — и Брюсов поспешит к «Новому раю»... <...>

Еще не оценены огромные формальные завоевания, сделанные новой русской поэзией, — это дело близкого будущего, — но уже хочется сказать два слова по существу. Декадентская полоса русской литературы, желанная в свое время и необходимая исторически, по-видимому, сменяется новым культурным движением. Обнаженный индивидуализм сменяется мистическим

анархизмом. Это новое направление в искусстве неразрывно связано с революционно-религиозным движением, которому — верим — предстоит великое будущее.

1905

